

Хухуни Георгий Теймуразович, Осипова Анна Александровна

ЕЩЁ РАЗ О "ТЕОРИИ ТРИАЗЫЧИЯ"

В статье рассматриваются некоторые аспекты известной "теории триязычия", во многом определившей судьбы библейского перевода в средневековой Европе. В католической церкви, где "теория триязычия" длительное время являлась официальной доктриной, от неё фактически отказались уже в эпоху Реформации. Православная же церковь всегда относилась к ней резко отрицательно. Однако происходящая в последние десятилетия дискуссия о допустимости использования русского языка в богослужении побудила отдельных авторов пересмотреть некоторые аспекты данной проблемы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-2/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. II. С. 190-194. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

TEXT OF TOURIST DESTINATION PRESENTATION: ON RAISING THE QUESTION
ABOUT FEATURES OF STUDY AND TERMINOLOGY OF ANALYSIS

Khudyakova Oksana Nikolaevna
Northern State Medical University, Arkhangelsk
oksana_inmen@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the text of tourist destination presentation. The main objective of the publication is to find the communicative-pragmatic model, actualized by the formula –addresser – text – recipient”. The object of attention is also the terminological apparatus of the research of a presentation text. Conclusion is made about the stylistic heterogeneity, excessive evaluativeness, hidden meanings and linguistic manipulation techniques that allow implementing the communicative intention of the author.

Key words and phrases: presentation text; tourist destination; communicative-pragmatic approach; communicative-pragmatic model of text; text interpretation; speech influence.

УДК 81`23

Филологические науки

В статье рассматриваются некоторые аспекты известной «теории триязычия», во многом определившей судьбы библейского перевода в средневековой Европе. В католической церкви, где «теория триязычия» длительное время являлась официальной доктриной, от неё фактически отказались уже в эпоху Реформации. Православная же церковь всегда относилась к ней резко отрицательно. Однако происходящая в последние десятилетия дискуссия о допустимости использования русского языка в богослужении побудила отдельных авторов пересмотреть некоторые аспекты данной проблемы.

Ключевые слова и фразы: триязычие; церковнославянский; русский; католический; православный; перевод; Библия.

Хухуни Георгий Теймуразович, д. филол. н., профессор
Московский государственный областной университет
khukhuni@mail.ru

Осипова Анна Александровна, к. филол. н., доцент
Московский педагогический государственный университет
assya@yandex.ru

ЕЩЁ РАЗ О «ТЕОРИИ ТРИЯЗЫЧИЯ»[©]

В полемике о языке богослужения, имеющей в отечественной традиции уже достаточно длительную историю и, по понятным причинам, принявшей в последние десятилетия особенно острый характер, нередко вспоминают и о пресловутой «теории триязычия». При этом чаще всего применяется она (путём своего рода *reductio ad absurdum*) для опровержения доводов консервативных кругов, отстаивающих неприкосновенность церковнославянского языка в сфере православной литургии.

Приведём высказывания двух видных современных библеистов.

А. С. Десницкий, указывая, что «аргументы, которые выдвигались по поводу перевода Библии в IX веке, в XIX веке, и сегодня насчет перевода богослужения по сути одни и те же», и иронически отзываясь о тех, по мнению которых «русский язык – единственный из всех языков мира (от греческого до якутского) – который не может быть богослужебным языком» [13], замечает по этому поводу: «...Восточная часть христианской церкви порвала с западной, в Риме долгие века служили только на латыни и возражали против переводов Библии на народные языки, а вот сторонники славянского текста... Многие из них сегодня придерживаются своего рода –четырёхязычной ереси”: к трем священным языкам они добавили четвертый, самый-самый священный славянский, и считают невозможным молитву на русском. Так почитатели трудов Кирилла и Мефодия, по сути, выразили полную солидарность с их противниками» [5].

Столь же иронически отозвался о позиции своих оппонентов руководивший созданием недавно вышедшего в свет Современного перевода Библии М. Г. Селезнёв. Отвечая на заявление о том, что «трехязычная ересь» «сейчас... превратилась в –четырёхязычную ересь”, добавившую к этим языкам церковнославянский», он уточняет: «...сейчас она превратилась в –моноязычную ересь”, которая гласит, что единственный язык, достойный того, чтобы на нем звучало слово Божие, – это славянский. Апологеты славянского языка лишают сакральности даже латынь, а уж еврейский тем более» [13].

Объективности ради можно заметить, что, по точному смыслу приведённых слов, «ересь» получается всё-таки «двуязычной», поскольку попытки лишить такого статуса греческий язык автор приведённой цитаты у своих оппонентов вроде бы не усматривает. Однако о том, что попытка «возвысить» в этом качестве церковнославянский за счёт латыни действительно имеет место, наглядно свидетельствует высказывание филолога-классика Ч. А. Козаржевского (кстати, создателя одного из наиболее популярных учебников латинского языка): «...Для всех, надеюсь, стало очевидным, что конгениальным греческому языку является церковнославянский. Мы поразились точности – и сюжетной и богословской – этого перевода, его красоте. Все это в гораздо меньшей степени присуще, скажем, латинскому или русскому переводам» [9]¹.

Вместе с тем, позиция как «русофилов», так и «церковнославянофилов» (данные обозначения носят, естественно, чисто условный характер) имеет свои уязвимые стороны. Первым приходится считаться с тем, что на данный момент руководство Русской Православной Церкви высказывается в пользу необходимости сохранения – во всяком случае, в ближайшее время – церковнославянского богослужения. Об этом, в частности, говорит и Святейший Патриарх Кирилл, призывая обойтись «без этой литургической реформы, без этого слова, без этого противостояния поколений» и ссылаясь, между прочим, и на мнение большинства верующих: «...Большинство – это те, для кого славянский язык понятен. Это, знаете, как слова колыбельной песни, это всё с детства, с молодости. И если такому человеку вдруг предложить русский язык во время богослужения, то получится то же самое, что и «Наду ли я, дручком пропертый» в арии Ленского. Помните, из «Евгения Онегина»? Когда перевели на украинский язык, получилась такая вот вещь. Современный язык будет резать ухо и вызывать недовольство. А что такое недовольство? Человек не может из храма выйти недовольным. Он всегда должен выходить утешенным, успокоенным. Тем более что славянский язык является... калькой с греческого языка. А богослужение написано по-гречески, и даже глагольные формы, которые существуют на славянском, отсутствуют на русском» [11].

В выступлениях ревнителей церковнославянской литургии наблюдается, с одной стороны, стремление опровергнуть связь «сакрализации» церковнославянского с «теорией триязычия», а с другой – в определённой степени отойти от традиционного безоговорочно-отрицательного отношения к данной теории.

Первая точка зрения отчётливо представлена в рассуждении А. М. Камчатнова: «Исторически по Промыслу Божию сложилось так, что в Русской Православной Церкви и русской культуре приемником божественных энергий и средой богообщения стал славянский язык. В этом его ничем не заменимая ценность. Славянский язык есть словесная икона, —монописцем» которой является Дух Святой... Значит ли сказанное, что церковнославянский язык является сакральным языком? Осуждение трёхязычной ереси означает, строго говоря, только лишь то, что нет и не может быть ограничения на количество языков, способных выразить Богооткровенную истину. Но язык, действительно её выразивший, тем самым становится священным. И надо сказать, что такие языки всегда в большей или меньшей степени отличаются от разговорного языка народа. Славянский язык... есть наша словесная икона, поэтому хранение славянского языка должно быть правилом Русской Православной Церкви» [7].

Естественно, ссылка на «промысел Божий», «божественные энергии» и «словесную икону» лежит вне пределов историко-филологического анализа. Однако дальнейшее рассуждение (независимо от его оценки) может рассматриваться как имеющее под собой некоторое основание: «На это можно возразить: если Дух дышит, где хочет, то почему же Он не может дышать и в русском языке? На это возражение можно ответить: так уж сложилось в Предании Русской Православной Церкви, так уж устроено наше языковое сознание» [Там же].

Второй подход в какой-то степени характеризует опубликованную несколько лет назад статью Г. И. Трубицыной (впрочем, также утверждающей: «Не от мира сего и Библия как книга, она разбивает многие привычные культурные стереотипы» [12])². Автор подчёркивает, что «трехязычная доктрина была призвана служить превентивной мерой, охранять от появления в среде... дописанных культур еретических движений, которые неминуемо возникли бы в неподготовленном, в не укрепленном в церковной традиции сознании» [Там же]. Далее указывается:

«3 век – Перевод на коптский язык. Копты (потомки египтян) – монофизиты.

4 век – Готская Библия. Готы – древнегерманское племя, переводчик епископ Ульфила – арианин.

– Пешита, перевод на древнесирийский, продолжает использоваться при богослужении христианами-несторианами Сирии, Ирана, Индии.

5 век – Перевод на армянский язык, армяне – последователи монофизитства». После этого устрашающего списка вполне закономерно выглядит высказывание автора: «Хотелось бы... добрым словом вспомнить трехязычную доктрину с ее превентивной функцией» [Там же].

В связи с процитированными фрагментами позволим себе заметить следующее. Во-первых, если еретические учения, с которыми боролось православие, по мнению автора, закономерно «возникли у народов,

¹ В данном случае позиция филолога XX столетия оказалась, по существу, весьма близкой мнению книжника XVII века, который усердно доказывает: насколько латинский язык не приспособлен для передачи фонетических и лексических особенностей греческого, настолько церковнославянский – по всем статьям близок греческому. Их родство делает перевод легким и удобным: «И аще случится и преложити что на словенский с греческа, удобно и благопристойно, и чинно прелгается, и орфография цела хранится» [1, с. 37]. О переводе на русский язык, естественно, здесь речи вообще не идёт...

² Разумеется, независимо от отношения того или иного исследователя к данному положению, любой претендующий на научность подход к исследованию библейского текста исходит из того, что «какими бы боговдохновенными ни были библейские книги, их записывали, а потом в течение многих веков переписывали вполне земные люди...» [10, с. 6-7].

получивших Библию на родных языках» [Там же], то остаётся не совсем понятным, почему сама православная церковь не только не «поминала добрым словом» «трёхязычную доктрину» с её «превентивной функцией», но и весьма активно её отвергала.

Во-вторых, согласно «Житию Константина-Кирилла», основоположник славянской письменности, полемизуя с «триязычниками-пилатниками», ссылаясь на наличие Священного Писания на родном языке у названных (как и у ряда других) народов как на *положительный прецедент* собственной деятельности, хотя их «еретичество», естественно, отнюдь не было для него тайной: «Мы же многи роды знаемъ, книги умѣюче, Богу славу въздающе своимъ языкомъ къждо. Явѣ же суть си: ормѣни, пѣрси, авазги, иверие, сугди, готи, обрѣе, турьси, козарѣ, аравлѣяне, егуптянѣ, сури, ини мнози» [6]. Кстати, наличие в перечне, приведённом равноапостольным славянским первоучителем, «ивериев» (т.е. грузин) наглядно свидетельствует о том, что принадлежность к числу «народов, получивших Библию на родных языках», отнюдь не обязательно влекла за собой отход от канонического православия...

В-третьих, (last but not least) «превентивная функция» «триязычной доктрины» выглядит достаточно ограниченной хотя бы потому, что, как известно, наиболее значимый в истории христианства раскол произошел между Константинополем и Римом, языки которых указанная доктрина как раз и признавала сакральными.

Указанные моменты, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что исследование «теории триязычия» (хотя в самой католической церкви от неё фактически отказались – поскольку речь шла о переводах Священного Писания – уже в эпоху Реформации) представляет не только сугубо исторический, но и в определённой степени достаточно актуальный интерес. Ниже содержится попытка осветить отдельные её аспекты, не претендуя, естественно, на исчерпывающий анализ рассматриваемого явления.

Прежде всего, целесообразно напомнить, что приведённое выше ироническое замечание по поводу того, что у противников русификации богослужения триязычная ересь превратилась в моноязычную, по отношению к практике «теории триязычия» в католической Европе приходится понимать вполне буквально. Действительно: греческий и еврейский языки не только не использовались Римско-католической церковью в сакральной сфере (что, в принципе, отчасти могло быть связано с их почти полным незнанием на средневековом Западе), но сами библейские тексты на них вызывали серьёзное недоверие. Этим и обуславливался тот, на первый взгляд, парадоксальный факт, что когда, оказавшись перед вызовом протестантизма, католическая церковь вынуждена была санкционировать для нужд Контрреформации осуществление библейских переводов, в качестве исходного текста использовалась всё та же латинская Вульгата. Так обстояло дело, в частности, с одной из наиболее известных католических версий Священного Писания на английском языке – так называемой Реймско-Дуэйской Библией (Rheims-Douai Bible / Douay-Rheims Bible), созданной уже на рубеже XVI-XVII столетий. Её создатели, полемику с протестантами, утверждали, что греческий и еврейский подлинники в принципе не являются таковыми, поскольку сознательно искажены евреями и еретиками. Латинский же текст, охраняемый традицией, насчитывающей триста лет, избежал подобного извращения (как известно, подобное отношение к еврейскому тексту характеризовало и некоторых представителей отечественного православия, настаивавших на необходимости переводить Ветхий Завет с греческой Септуагинты): «...both the Hebrew and Greek Editions are foully corrupted by Jews and Heretics since the Latin was truly translated out of them, while they were more pure. And that the same Latin hath been far better conserved from corruptions, so that the old Vulgate Latin Edition hath been preferred and used as most authentic above a thousand and three hundred years» [15] / ...как еврейский, так и греческий тексты были существенно искажены евреями и еретиками, в то время как перевод на латынь осуществлялся именно с этих языков, однако более точных версий. Таким образом, в латинском тексте меньше искажений, потому старое издание Вульгаты считалось более аутентичным и использовалось более тысячи триста лет (*Перевод наш* - Г. Т., А. А.).

Говоря о «теории триязычия», необходимо учитывать, что она представляла собой достаточно сложное, а порой и несколько противоречивое явление. В частности, обращалось внимание на то обстоятельство, что, если в собственно богослужебном плане её «моноязычная (т.е. латиноязычная) ипостась» сохраняла свою монополию вплоть до 60-х годов прошлого столетия, то с переводами Священного Писания¹ дело могло и в дореформационный период обстоять по-разному.

Порой, однако, при рассмотрении данного вопроса наблюдается некоторое упрощение. Так, в упомянутой выше статье Г. И. Трубицыной утверждается: «Если переводы не претендовали на литургическое применение, они не подвергались гонениям. До издания в 1534 г. полного перевода М. Лютера существовало около 40 печатных публикаций различных немецких переводов Библии» [12]. Однако о том, какова была реакция католических иерархов на эту деятельность, наглядно свидетельствует следующий эпизод: «Архиепископ Бертольд Майнцский, в прочих отношениях ученый и просвещенный прелат, ввел 4 января 1486 г. запрет в своей епархии на все неавторизованные издания священных и ученых книг, особенно немецкой Библии (*Курсив наш* – А. О., Г. Х.), объясняя это тем, что на немецком языке невозможно правильно передать глубокий смысл греческих и латинских трудов и что миряне и женщины не обязаны понимать Библию»² [14, с. 214].

¹ Мы не касаемся здесь вопроса о таком жанре как проповеди, поскольку возможность использования в них родного языка прихожан под сомнение практически не ставилась (ср. ситуацию с современным русским языком в Русской Православной Церкви).

² Ср. относящееся ещё к XI столетию письмо папы Григория VII правителю Богемии, которое часто приводилось в качестве свидетельства враждебности папства православно-славянскому миру: «Ты просишь о дозволении совершать богослужение на славянском языке; но на эту просьбу ни в каком случае не может быть дано согласия. Всемогущему угодно было, чтобы Священное Писание в некоторых местах было сокровенно, дабы иначе, если бы оно для всех было совершенно ясно, не подверглось бы унижению и презрению» [7].

Несколькими десятилетиями ранее его, если можно так выразиться, британский коллега, архиепископ Кентерберийский Томас Арундел издал аналогичный указ – вызванный во многом событиями, связанными с известным переводом Джона Уиклифа, – один из пунктов которого имел весьма характерное название: «*Ne quis texta S. scripturae transferrat in linguam Anglicanam*». Причём – как позднее и у Бертольда Майнцского – речь идёт о *переводе как таковом*, независимо от его литургического использования, и аргументация строится – со ссылкой на самого создателя Вульгаты – именно на опасностях, связанных с межязыковой передачей Священного Писания: «*Periculosa quoque res est, testante beato Jeronimo, textum sacrae scripturae de uno in alia idioma transferre*» [17, p. 317] / Опасное это занятие, говорит блаженный Иероним, текст Священного Писания на другой язык перевести (*Перевод наш - Г. Т., А. А.*). Естественно, не забывали при этом упомянуть и о том, что такого рода деятельность неизбежно приведёт к появлению различных еретических заблуждений, как это происходило неоднократно даже с весьма учёными еретиками: «*Nothing should be had in the vulgar tongue which might be an occasion and cause of error to the simple: for the mass of the people are led into error very easily; but many parts of scripture, if translated into our vulgar tongue, would be wrongly understood and lead simple people into error; for if the difficulty of scripture led Arius, Sabellius, Nestorius, Frontinus and other heretics into error, therefore even more would it mislead simple people*» [15] / Не следует делать переводы на народные языки ради простоты восприятия, если в таких переводах могут быть ошибки: большое количество людей легко ввести в заблуждение; а многие части Священного Писания при переводе на народные языки могут быть неправильно истолкованы и введут простых людей в заблуждение. Если уж трудность Священного Писания неправильно толковали Арий, Сабелий, Нестор, Фронтиний и другие еретики, как могли бы запутаться обыкновенные люди (*Перевод наш - Г. Т., А. А.*) (ср. приведённую выше позицию Г. И. Трубицыной).

Можно констатировать, таким образом, что «латиноязычники» (ибо «триязычниками» в собственном смысле слова указанных и им подобных авторов называть вряд ли возможно) опирались, с одной стороны, на квазитеологическую аргументацию (слово Божие в принципе не может быть доступно тем, кого в Средние века принято было обозначать несколько своеобразно звучащим для современного читателя словом *idiota*¹), с другой – на доводы якобы лингвистического характера (которые, впрочем – вне всякой связи со средневековым «триязычием» – использовали и продолжают использовать приверженцы пресловутой «теории непереводаемости»). Из других доказательств «нецелесообразности» перевода Библии на «вульгарные» языки (их подробное изложение можно найти в [Ibidem]) не лишён интереса довод (опять-таки со ссылкой на блаженного Иеронима), согласно которому для неискушённых мирян гораздо полезнее слушать Священное Писание из уст священнослужителя, нежели читать самим – прежде всего потому, что так уменьшается риск возникновения разного рода ошибочных толкований: «*St. Jerome says, that hearing is a better manner of obtaining knowledge of holy scripture than reading, for the way of hearing is better, safer, and quicker, than the way of reading, and should be followed because it is the more immediate way; therefore the way of reading ought to be forbidden, and the way of hearing frequently recommended. But perchance someone will object, that though to hear is better: yet nevertheless, it would be good for the common people to understand a little? To this, I say, that reading is more liable to lead to error than hearing*» [15]² / Святой Иероним говорит, что познавать Священное Писание лучше слушая, чем читая, потому как это точнее и быстрее; и потому чтение следует запретить, а слушание настоятельно рекомендовать. Возможно, кто-то возразит, сказав, что для обычных людей было бы довольно и немногого. Но я скажу, что в процессе чтения гораздо больше вероятность ошибочного восприятия, чем во время слушания (*Перевод наш - Г. Т., А. А.*). Не обошлось, естественно, и без ссылок на «неблагозвучие» «грубых» народных языков по сравнению со «священными». Так, один из наиболее рьяных гонителей библейских переводов – доминиканец Томас Палмер (именно ему принадлежит процитированный выше фрагмент о том, что передача священного текста – прямой путь к ереси) – утверждал, что «английский язык звучал бы –как хрюканье свиней или как рычание львов» [3], что вызвало ироническую реплику американского философа Б. Данэма: «Как это ни странно, но в истории не было ни одного прогрессивного социального движения, против которого не выдвигались бы возражения с точки зрения эстетики» [Там же].

В заключение отметим, что оппозиция «теории триязычия», наиболее ярко сказавшаяся на Западе в эпоху Реформации, отнюдь не означала какого-либо пренебрежительного отношения со стороны представителей протестантизма к самим составлявшим данную триаду языкам. Речь шла именно об отказе от представления, будто другие языки по своей природе не могут использоваться для выражения «Божественной истины». Указанный момент явно прослеживается в предисловии к одной из наиболее замечательных версий Священного Писания на «вульгарном» языке – знаменитой Библии короля Иакова (King James Version) [16]. Приведя слова из Первого послания апостола Павла к коринфянам (14; 11): «*Except I know the power of the voice, I shall be to him that speaketh, a Barbarian, and he that speaketh, shall be a Barbarian to me*» (в русском Синодальном переводе:

¹ Ср. замечание А. Н. Гуревича о том, что на протяжении Средних веков «сохранялось как существенное и значимое... деление людей на *literati* и *illiterati*. Первые – образованные, т.е. знающие латынь. Вторые – неграмотные, «идиоты». *Idiota* в тогдашнем понимании – человек, который довольствуется знанием лишь грубого родного языка, данного ему от рождения, между тем как со знанием латыни не рождаются, его приобретают упорным, длительным трудом» [2, с. 16].

² Ср. с позицией одного из известных иерархов Русской Православной Церкви Арсения Мацеевича, репрессированного Екатериной Второй за сопротивление отчуждению церковных земель и уже в наши дни канонизированного как священномученик: «Ежели рассудить в тонкость, то Библия у нас и не особо нужна. Ученый, ежели знает по-гречески, греческую и будет читать; а ежели по-латыни, то латинскую, с которой для себя и для поучения народу российскую, какая ни есть Библия, будет исправлять. Для простого же народа довольно в церковных книгах от Библии имеется» [4]. Приведя эти слова и напоминая, что речь шла именно о славянской Библии, А. С. Десницкий заметил, что «может быть, он просто мечтал о возвращении в то время, когда простой народ слушал чтения из Писания в храме и ему того хватало» [Там же].

«Но если я не разумею значения слов; то я для говорящего чужестранец, и говорящий мне чужестранец»), его создатели отмечают: «The Apostle excepteth no tongue; not Hebrew the ancientest, not Greek the most copious, not Latin the finest» [18] / Апостол не исключает ни одного язык: ни древнееврейского – древнейшего, ни греческого – богатейшего, ни латинского – прекраснейшего (*Перевод наш* – Г. Т., А. А.). Как видим, здесь признаётся и «наибольшая древность» еврейского, и «сама большая обилие» греческого, и, наконец, подтверждается статус латыни как «самого прекрасного» языка (другой вопрос, насколько эти характеристики соответствуют объективной реальности...). Впрочем, и у представителей греческого православия признание возможности перевода Священного Писания на другие языки отнюдь не исключало идеи о несомненном культурном превосходстве над ними греческого языка – обстоятельство, сыгравшее, как известно, уже полтысячелетия спустя после деятельности славянских первоучителей немаловажную роль в драматической судьбе на Руси Максима Грека [8].

Список литературы

1. Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. I. С. 17-73.
2. Гуревич А. Н. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.
3. Данэм Б. Герои и еретики. Политическая история западной мысли [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова. URL: http://krotov.info/libr_min/05_d/an/em_11.htm (дата обращения: 12.07.2014).
4. Десницкий А. С. Архиепископ Геннадий, доктор Франциск и дьяк Иван [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foma.ru/archiepiskop-gennadij-doktor-franczisk-i-dyak-ivan.html> (дата обращения: 10.07.2014).
5. Десницкий А. С. Несрочный перевод. Приключения Библии в России: славянский пролог [Электронный ресурс] // Есхатос. Богословский клуб. URL: <http://eshatos-lib.ru/articles/desnitsky-nesrochny-perevod> (дата обращения: 10.07.2014).
6. Житие Константина-Кирилла [Электронный ресурс] / подготовка текста и пер. Л. В. Мошковой и А. А. Турилова, коммент. Б. Н. Флори // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2163> (дата обращения: 10.07.2014).
7. Камчатнов А. М. Сакральный славянский язык в Церкви и культуре [Электронный ресурс] // Благодатный огонь. URL: <http://www.blagogon.ru/articles/8/> (дата обращения: 10.07.2014).
8. Катков М. Н. Славянские первоучители [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_slavyanskije_perv.html (дата обращения: 12.07.2014).
9. Козаржевский Ч. А. Церковнославянский язык – это чудо... (Из интервью православной газете МГУ «Татьянин день») [Электронный ресурс] // Благодатный огонь. URL: <http://www.blagogon.ru/biblio/39/> (дата обращения: 10.07.2014).
10. Липовский И. П. Библейский Израиль: история двух народов. СПб.: Гуманитарная академия, 2010. 576 с.
11. Святейший Патриарх Кирилл о языке богослужения // Храм Живоначальной Троицы в Троицком-Голенищеве [Электронный ресурс]. URL: <http://kadilo.info/smysl-bogosluzheniya/291-svyatejshij-patriarkh-kirill-o-yazyke-bogosluzheniya.html> (дата обращения: 10.07.2014).
12. Трубицына Г. И. Перед русским народом стоит задача сохранить церковнославянский как язык богослужения. О Проекте документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/48846.htm> (дата обращения: 10.07.2014).
13. Филиппов А. Будет ли создан «Патриарший перевод Библии»? [Электронный ресурс] // Expert Online. URL: <http://expert.ru/2014/05/18/budet-li-sozdan-patriarshij-perevod-biblii/> (дата обращения: 10.07.2014).
14. Шафф Ф. История христианской церкви. СПб.: Библия для всех, 2009. Т. VII. Современное христианство. Реформация в Германии. 459 с.
15. Deanesly M. Arguments against the Use of Vernacular Bibles, Put Forward in the Controversy over their Lawfulness, 1400-1408 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bible-researcher.com/wyclif5.html> (дата обращения: 14.06.2014).
16. Preface to the Douay-Rheims Old Testament, 1609 [Электронный ресурс] // Douai-Rheims Old Testament Introduction. URL: <http://www.bombaxo.com/douai-ot.html> (дата обращения: 11.07.2014).
17. The Arundelian Constitution of 1408 against the Lollards / from the edition of David Wilkins, Concilliae Magnae Britanniae et Hiberniae ab Anno MCCCL ad Annum MDXLV. Volumen Tertium. London, 1737. P. 314-319.
18. The Translators to the Reader. Preface to the King James Version of 1611 [Электронный ресурс]. URL: <http://ebible.org/kjv/FRT01.htm> (дата обращения: 12.07.2014).

ONCE MORE ON THE “THEORY OF THREELINGUISM”

Khukhuni Georgii Teimurazovich, Doctor in Philology, Professor
Moscow State Regional University
khukhuni@mail.ru

Osipova Anna Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow State Pedagogical University
assya@yandex.ru

The article examines some aspects of the famous “theory of threelinguism” which in many ways determined the destinies of Biblical translation in medieval Europe. In the Catholic Church where “the theory of threelinguism” for a long time had been an official doctrine, it was actually abandoned in the epoch of Reformation. Orthodox Church always treated it negatively. But the discussion on the acceptability of using Russian language in the divine service unfolding over the last decades motivated some authors to revise some aspects of this problem.

Key words and phrases: threelinguism; Church Slavonic; Russian; Catholic; Orthodox; translation; Bible.